

Прошлое в пространстве советской культуры и политики

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00192 «Образы прошлого в культуре и общественном сознании россиян XX – начала XXI века. Социально-философский анализ»

Советское общество создавалось и развивалось в условиях установления определенных отношений с прошлым, того или иного его понимания, воспроизведения и конструирования. Представления о нем прослеживаются в контексте изменяющегося советского настоящего и видения желаемого будущего. Показаны способы формирования нацеленных на массовое восприятие и присвоение образов прошлого. Годовщины значимых событий и исторических личностей позволяют конкретизировать взаимоотношение политики и культуры. Советская юбилейная культура рассматривается на материалах массового общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек». Внимание сосредоточено на образно-смысловой актуализации прошлого в интересах общественного самосознания.

Ключевые слова: прошлое, культура, политика, советский период, юбилеи, массовое сознание, журнал «Огонек».

The Past in the Space of the Soviet Culture and Politics

Soviet society was created and developed in conditions of establishing a certain relationship with the past, one or another of its understanding, reproduction and construction. Representations about it are retraced in the context of the changing Soviet present and the vision of a desired future. The author shows the ways and forms of formation of images of the past aimed at the mass perception and appropriation. The anniversaries of significant events and historical figures allow concretizing the idea of the relationship of politics and culture. Soviet commemorative culture is seen in the mass materials of the socio-political and literary magazine «Ogonek». Attention is focused on figurative and notional actualization of the past in the interest of public consciousness.

Keywords: past, culture, politics, the Soviet period, commemoration, mass consciousness, magazine «Ogonek».

Интерес к изучению взаимодействия прошлого, настоящего и будущего в культуре особенно ярко обозначился в общественной практике и гуманитарном знании с конца прошлого столетия. В зарубежных и отечественных научных исследованиях представлены общетеоретические и прикладные аспекты, основанные на междисциплинарном и международном диалоге. Осознана как научная проблема социальных функций прошлого, поставлен вопрос об особенностях восприятия прошлого в разных типах обществ и культурах. Проблематика характера и содержания образов прошлого связана с различием прошлого и настоящего, понимания прошлого как «другого», возникающего, поскольку к нему обращаются, осознают как прошлое, как разрыв во времени. Введено понятие «поминающая культура», или «мемориальная культура», суть которой заключается в выстраивании смысловых и временных горизонтов социума, основанных на всевозможных формах обращенности к прошлому. Сформировались общие методологические принципы и ключевые положения исследований о прошлом, или мемориальных исследований, среди которых центральным выступает представление о том, что прошлое является конструктом, формируемым духовными потребностями и контекстом каждого данного настоящего, то есть не

стабильным конструктом, а процессом, не менее проективным, чем будущее. Выделяется несколько стратегий (типов) повествования о прошлом – «героизация» и «виктимизация» прошлого, «ностальгия», «рессентимент», «нормализация» и «проработка прошлого». Обращается внимание, что в разных обществах присутствует различное соотношение процессов репродуктивного и конструирования, воспоминания и забвения прошлого в зависимости от видения настоящего и будущего [1, 7, 8, 11, 14, 17].

Прошлое выступает необходимым компонентом самосознания общества. Систематизируя свою историю с помощью периодизации, вносящей в события прошлого определенный порядок, устанавливающей их приоритетность и значимость, общество превращает историческое время во время коммеморативное. Под коммеморацией имеются в виду специальные практики, направленные на удержание прошлого в настоящем, служащие утверждению чувства единства и скреплению общества [7, с. 83–87; 14, с. 116–117]. Одной из форм коммеморации является празднование знаменательных и юбилейных дат значимых событий и исторических личностей. Они позволяют конкретизировать представления о взаимодействии культуры и политики.

* * *

Формирование концепта коллективного целого, составной частью которого являются представления о прошлом, – неотъемлемая сторона культуры советского периода.

Разнообразный материал на этот счет содержал журнал «Огонек», по сути – первый советский массовый общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал, возобновленный к изданию в 1923 г. Хотя главными для журнала были текущие события в стране и за рубежом, он, будучи «летописцем» сегодняшнего дня, выявлял его истоки в прошлом; искал в прошлом ответы на актуальные вопросы настоящего, представлял контуры будущего.

Хотя в целом «Огонек» шел в фарватере общепартийного курса, а его публикациям были присущи определенные лакуны и умолчания, связанные с политической конъюнктурой, отдельные периоды деятельности журнала, прежде всего раннесоветский и позднесоветский, отличались относительной автономностью в подборе текстов и иллюстраций, а также дискуссионной направленностью. Несомненно, важную роль играла в данном случае и личность главного редактора. В 1924 г. журнал отозвался на 200-летие И. Канта (№ 24). И хотя выражение отзыва заключалось в публикации только трех фотографий и кратких подписей к ним, а призыв философа «*Sapere aude!*» («Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком!») не упоминался, этот девиз Просвещения так или иначе присутствовал в журнальном пространстве.

Возобновление издания журнала было приурочено к пятилетию революции. Юбилейное прочтение было призвано представлять ее новый этап. Обложка первого номера предьявляла читателю два облика «сегодня», построенного на контрасте «тьмы» и «света»: одно было обращено к прошлому, символизировало уходящее, разруху Гражданской войны в образе смерти, другое – к будущему, куда новая Россия устремлялась в виде могучего корабля, идущего вперед под лучами яркого солнца. Журнал стремился показать, что «подлинную жизнь творит Революция» [20, с. 8–9].

Большевистский проект нового общества и человека первоначально ориентировался на разрыв с прошлым («темным» царским прошлым), неприятие его в национальном разрезе, но делал актуальным прошлое как историю борьбы угнетенных против эксплуатации, за свободное будущее. Именно эта сторона прошлого, включавшая аспект героической жертвенности и объединявшая к тому же русскую революцию с соответ-

ствующими европейскими и мировыми процессами, выходила на первый план.

Характерное для науки и публицистики 1920-х гг. внимание к истории Великой Французской революции, рассматривавшейся в качестве прототипа или эмбриона пролетарской революции [2, с. 30–71], определил интерес к ней журнала и интернациональный профиль прошлого в публикациях. По случаю 100-летней годовщины со дня смерти Л. Бетховена (1927) приводился фрагмент выступления А. Луначарского, отмечавшего, что «с помощью партитуры Бетховена Великая Французская революция сыграла гигантскую прелюдию к революционной музыке грядущего, музыке Великой Русской, а вместе с тем и международной революции» [16, с. 7].

Однако сформулированный в 1931 г. сталинский постулат о «коренной противоположности» «буржуазной» (уже не «великой») Французской революции и «социалистической» Октябрьской (напротив, великой), став партийной директивой [2, с. 76–115], определил и содержание публикаций «Огонька», связанных со 150-летним юбилеем революционных событий конца XVIII в. Чтобы оттенить достижения советской власти, показать предоставленные трудящимся советской Конституцией 1936 г. права, Французская революция, в силу того что сохраняла эксплуатацию, фактическое неравенство и частную собственность, объявлялась антиподом революции в России [3, с. 2–4]. При этом на фоне заявлений об обострении классово-борьбы опыт Французской революции служил оправданием ужесточения режима и террора. Пройдет полвека, и в 1989 г. «Огонек» вновь обратится к событиям двухсотлетней давности с тем, чтобы провести прямые параллели между «той» революцией и «этой» революционной перестройкой с целью развенчания сталинской модели социализма и обоснования необходимости продвижения по пути демократизации советского общества [15, с. 26–27].

* * *

Если вести речь о национальном (российском) профиле прошлого, то существовало несколько его исторических глубин.

Поскольку в 1920-е – нач. 1930-х гг. приоритет был отдан революционно-героической версии прошлого, на страницах «Огонька» разворачивались сюжеты, связанные с российской освободительной традицией конца XVIII – нач. XX в. Несомненно, этот отрезок отечественной истории обладал для «Огонька» «коммеморативной плотностью», под которой исследователи имеют в виду то, что определенные исторические периоды занимают привилегированное положение в

общественном сознании [7, с. 83]. А задачей «Огонька» и было формирование последнего.

Зримым воплощением такого прошлого выступала, в частности, Петропавловская крепость («русская Бастилия»), 225-летний юбилей которой журнал отметил в 1928–1929 гг. рядом очерков. Крепость, с одной стороны, была символом «проклятого» прошлого (наиболее употребляемое в те годы определение), поскольку ее казематы выступали как «место удушения и погребения общественной мысли», а с другой – символом революционной преемственности. «Глухой звук прошлого», слышимый экскурсантам, когда они пытались перестукиваться в камерах, становился одновременно и символом того, что «царизм ушел в область преданий». А вот революция, по мнению журнала, – продолжалась [13, с. 1; 20, с. 8–9].

Жертвы монархического прошлого – герои-мученики, предтечи большевиков, среди которых прежде всего декабристы, а также А. Радищев, А. Герцен, В. Белинский, Н. Добролюбов, Н. Чернышевский. Необходимо упомянуть также Н. Некрасова, М. Салтыкова-Щедрина. «Призванные» из прошлого в Советский Союз в тот или иной свой юбилейный год, связанный с датами рождения или смерти, отечественные публицисты и писатели, прежде всего демократического направления, составляли единое целое с советским народом; их творчество как бы предвосхищало грядущее – советскую действительность. Их произведения использовались в целях критики («обличения») царского прошлого, с целью показать «тяжелую участь писателей в царской России». Следует отметить определенную вульгаризацию, присущую публикациям на эти темы в 1930-е – нач. 1950-х гг. Само литературное наследие русских классиков XIX в. зачастую оценивалось по наличию в нем сочувствия к «угнетенному царизмом народу» («мысль о народе, его страданиях, его судьбе»); потенциала революционности, борьбы с самодержавием. «Его творчество – набат, призывающий к борьбе за человека, за его честь, достоинство, свободу личности, оно воспламеняло поколения на битву, на борьбу с самодержавием и крепостничеством», – это стереотипное суждение, высказанное по отношению к А. Грибоедову [4, с. 8–9], применялось и к другим классикам: «борец с самодержавием, гражданин» (А. Пушкин), «бунтарь», «дворянский протестант» (М. Лермонтов), «протестант» (Л. Толстой), «обличитель мерзости буржуазно-дворянского общества» (Н. Гоголь) и т. д.

Однако неверно видеть в редакционной практике «Огонька» только эти стороны. Журнал нацеливался на приобщение советского читателя к наследию русской и зарубежной литературы, стремился представить как можно более объемно творческий облик русских классиков, показать общечеловеческое начало их произведений.

«Ненавистное царское прошлое» ассоциировалось прежде всего с николаевской эпохой, связанной с жесткой реакцией во всех сферах общественной жизни. Отрицательная «популярность» императора Николая I Павловича достигла пика во второй половине 30-х гг., особенно в связи с пушкинским 1937 г. и лермонтовским 1939 и 1941 гг. юбилеями [9, с. 90–95].

Еще одним антигероем прошлого, но уже недавнего предреволюционного, выступал император Николай II, за плечами которого имелось «солидное наследие», высмеивавшееся на страницах журнала в год 30-летия революции (1947 г.) – «дату зрелости» советского общества. Николай II, в отличие от «вождя всех народов», видевший в качестве предшественников то Александра Невского, то Петра Великого, то Ивана Грозного, породил другие параллели: профиль императора «напоминал курьезный лик Павла; склонность к мистическому помешательству, лжи и коварству была от Александра “благословенного”, от Николая Палкина – бессмысленная жестокость, от папаши, слоноподобного Александра III, – фельдфебельские замашки». По мнению автора статьи, последнего монарха следовало сравнивать не с историческими деятелями, а с героями комедии: «Помещики Романовы – Простаковы в общероссийском масштабе» [18, с. 2–3]. Подобный образ Николая II сохранялся вплоть до конца 1980-х гг. «Незадачливый папаша» – такую саркастическую оценку дал ему автор публикации о событиях 1917 г. [19, с. 11–12].

Что до годовщин Октября – знакового события для разделения прошлого и настоящего, символического маркера перемен, то в первое советское двадцатилетие октябрьские памятные даты, особенно юбилейные, были призваны показать, как большевики удержали государственную власть, а в целом (и в последующем) – достижения власти трудящихся. Читателям предлагался также соответствующий пантеон героев предреволюционного времени, революции и Гражданской войны с противостоящими им антигероями. Продолжением и развитием октябрьских празднований были ленинские памятные даты, юбилеи И. Сталина, Первой русской революции, Красной (Советской) армии, партии и комсомола, основательно представленные в соответствующих но-

мерах журнала. Этой же цели служили и юбилеи самого «Огонька»: выпуски сопровождались подборкой наиболее выразительных, с точки зрения редакции, образов советского общества, представленных на обложках журнала за предыдущие годы.

Основными репрезентантами идей революции и социализма от литературы выступали М. Горький и В. Маяковский, затем чаще других упоминались Д. Бедный и Д. Фурманов. Характерно использование того или иного литературного юбилея в политических целях – для наклеивания ярлыков на идейных противников. Так, 100-летие смерти А. С. Грибоедова в 1929 г. стало поводом приписать «молчалинство» («предательство», пошлость) меньшевикам и эсерам с целью обвинить их в приверженности «буржуазной теории гражданского мира» [12, с. 1]. «Острым, грозющим оружием в политической борьбе» виделось и творческое наследие А. Чехова. Например, в связи с 35-летием со дня кончины писателя (1939 г.) обращение к чеховским литературным образам («как бы чего не вышло») позволяло представить «глубину падения и предательства бухаринцев», оправдать «Большой террор» [21, с. 1].

Вместе с тем мифологизированные героические, с оттенком героической жертвенности, образы революции и Гражданской войны, востребованные в романтическом ключе в период хрущевской «оттепели», постепенно исчерпывали свой ресурс. На смену им приходило не менее мифологизированное героическое прошлое, связанное с юбилеями Победы в войне.

Последний октябрьский юбилей советского периода в 1987 г. стал «моментом размышления», фокусировавшим прошлое в болевых точках сегодняшнего дня: какое общество построено в стране, в чем заключаются «деформации» социализма и почему они возникли, что надо переосмыслить и каким образом, каково соотношение демократических и авторитарных традиций в истории России и т. д.? В итоге отечественный революционный опыт был поставлен журналом под сомнение.

* * *

Упомянутые выше пушкинский и лермонтовский юбилеи конца 1930-х гг., демонстрируя, что только в стране социалистической культуры наследие русской классической литературы стало всенародным достоянием, прежде всего преследовали цель формирования советской нации. Они стали важным звеном в процессе трансформации официальной политики в области прошлого, направленной со второй половины 1930-х гг. на ак-

туализацию идеи «наследия» и «исторического прошлого» за пределами революционных традиций. Хотя партийность, классовый подход сохраняли свое значение, на роль ведущих культурных доминант выдвинулись «народность» и «патриотизм». Источники патриотических ценностей заключались прежде всего в «славе русского оружия», были призваны мобилизовать «великий ратный героизм русского народа». Поэтому юбилеи важнейших сражений прошлого (Куликовское, Полтавское, Бородинское и др.), видных полководцев (А. Суворова, М. Кутузова и др.) нашли широкое отражение в «Огоньке». Актуализация военного прошлого коснулась также событий Первой мировой войны в связи с 25-летием ее начала, однако тем военным событиям было отказано в проявлении героического [6, с. 2–3].

Великая Отечественная война укрепила и закрепила тенденции, связанные с формированием национально-государственного патриотизма. Показательно, как в контексте коррекции представлений о прошлом осмысливалось в 1930–1940-е гг. лермонтовское творчество: его кодами выступали «гражданственность», «патриотизм» и «народность». М. Лермонтов в те годы был «призван» трижды: в 1939 г. – во имя строительства нового общества, в 1941 г. – как поэт-воин; в 1944–1949 гг. – как выразитель русского самосознания [9, с. 91–95]. «Мысль о родине и народе» признавалась центральной в литературном наследии Н. Гоголя в связи с его юбилеями (1949 и 1952 гг.)

Если до войны в творчестве Л. Толстого виделись прежде всего охранительные по отношению к дворянскому укладу настроения, хотя отмечалась и эволюция воззрений великого писателя («протестант»), то после войны заметно стремление расставить акценты иначе. Толстой прежде всего – воплощение основных качеств характера великого русского народа; великий патриот, страстный проповедник народной (крестьянской) правды; даже былинный герой типа В. Булаева, «озорство» которого направлено на низвержение идолов и кумиров старого мира; его художественная мудрость – это мудрость русского народа [5, с. 14].

Не случайным было и повышенное внимание к творчеству В. Васнецова и В. Сурикова, утверждавших «героическое начало русского народа и его истории» в живописи.

Патриотическая тема находила точки соприкосновения с темой революции и коммунистического созидания, получившей после войны новый импульс. В этом плане работал и 800-летний

юбилей Москвы, призванный символизировать единство прошлого и настоящего. Показателен рисунок обложки тематического номера (№ 36) за 1947 г., изображавший «окно» в виде щита, на переднем плане которого теплоход «Иосиф Сталин» проплывал по Москве-реке мимо Кремля. В том же номере публиковалось стихотворение С. Кирсанова с выразительными строфами: «Тут вновь основана Москва по Сталинскому плану».

* * *

Во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. материалы «Огонька», ориентированные на массовое присвоение прошлого, показывают, что прошлое то сужало, то расширяло свои временные границы, подчиняясь двум приоритетным направлениям, сложившимся в предыдущие десятилетия. В одном случае на первый план выходило укрепление советского общественного строя, в другом – поддержание русского патриотизма. При этом трактовка прошлого в героическом ключе сохранялась, оно укладывалось преимущественно во временные рамки XX в., его образы несли идею революционного обновления во имя коммунистического грядущего.

Начатое в годы «оттепели» критическое осмысление сталинского прошлого не получило на страницах «Огонька» развития; эту важную функцию «работы над прошлым», связанную с восстановлением деформированного исторического сознания, журнал выполнил позже, в годы перестройки. Показателен в этом плане творческий образ М. Лермонтова, представленный в «Огоньке» в год 150-летия со дня рождения поэта (1964 г.). В отличие от «Нового мира», связавшего волновавшие Лермонтова проблемы с процессами реабилитации жертв политических репрессий, «Огонек» предложил иной ракурс прочтения, свидетельствующий о возобновлении линии, ориентированной на «реабилитацию» России, активизацию русского национального самосознания [10, с. 89–102], которая с середины 1960-х и до середины 1980-х гг. стала в нем доминирующей. В качестве «фигур воспоминания» национально-патриотический «домен» в журнале представляли В. Васнецов и В. Суриков, а также С. Есенин, творчество которого журнал постепенно вводил в публичное пространство, начиная с 1945 г. – 50-летнего юбилея поэта.

Массовому же «возвращению имен» в это пространство, некогда принудительно выведенных из него, касалось ли это политической или культурной сферы, журнал способствовал в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Именно «Огонек», представляя критически настроенную часть общества, предпринял «работу над прошлым», став

в СМИ одним из центров общественных дебатов по поводу советского прошлого, включив в него как профессиональных ученых-обществоведов, так и читателей. Одновременно получила развитие «виктимная» версия прошлого, делавшая акцент на травматическом опыте. В годы перестройки журнал прошел путь от апологетики «ленинского социализма», развенчания сталинской системы, раскрытия «обратной» – негероической, нелицеприятной – стороны войны до резкой критики советского и идеализации дореволюционной России.

Апеллируя к тому, с чего начинался советский «Огонек», – к критическому разуму, «перестроечный» «Огонек» настаивал на причастности индивидуума к прошлому, ответственности за него и тем самым выступал за настоящее и будущее.

Библиографический список

1. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман ; пер с нем. – М., 2004.
2. Гордон, А. В. Великая французская революция в советской историографии [Текст] / А. В. Гордон. – М., 2009.
3. Дейч, А. Крушение старого порядка. К 150-летию французской буржуазной революции [Текст] / А. Дейч // Огонек. – 1939. – № 17.
4. Добрынин, М. Александр Сергеевич Грибоедов [Текст] / М. Добрынин // Огонек. – 1945. – № 1.
5. Добрынин, М. Гениальный художник. К 35-летию смерти Л. Н. Толстого [Текст] / М. Добрынин // Огонек. – 1945. – № 45.
6. Ермашев, И. Перед судом истории [Текст] / И. Ермашев // Огонек. – 1939. – № 20/21.
7. Зерубавель, Я. Динамика коллективной памяти [Текст] / Я. Зерубавель // Ab Imperio. – 2004. – № 3.
8. Кознова, И. Е. Историческая память: проблемное поле современных исследований [Текст] / И. Е. Кознова // Проблемы философии культуры. Вып. 2 / под ред. С. А. Никольского. – М., 2014.
9. Кознова, И. Е. «Призванный»: лермонтовские юбилеи середины XX в. [Текст] / И. Е. Кознова // История в подробностях. – 2014. – № 9 (51).
10. Кознова, И. Е. «Лермонтовский элемент» и «хрущевская оттепель»: творческое наследие поэта в контексте эпохи [Текст] / И. Е. Кознова // Проблемы российского самосознания: мировоззрение М. Ю. Лермонтова : материалы 11-й Всероссийской конференции ; под ред. С. А. Никольского. – М., 2015.
11. Леонтьева, О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке [Текст] / О. Б. Леонтьева // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 50. – М., 2015.
12. Лепешинский П. Молния гнева [Текст] / П. Лепешинский // Огонек. – 1929. – № 6.
13. Маллори, Д. Проклятое прошлое [Текст] / Д. Маллори // Огонек. – 1928. – № 48.

14. Мегилл А. Историческая эпистемология [Текст] / А. Мегилл ; пер с англ. – М., 2009.
15. Овруцкий, Л. «Новый человек», или двести лет одной иллюзии [Текст] / Л. Овруцкий // Огонек. – 1989. – № 28.
16. Почему Бетховен нам близок? Из речи А. В. Луначарского [Текст] // Огонек. – 1927. – № 12.
17. Репина, Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности [Текст] / Л. П. Репина // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 21. – М., 2007.
18. Рябов, И. Последний монарх [Текст] / И. Рябов // Огонек. – 1947. – № 44.
19. Седых, В. Как парижское «зеркало» отражало события 1917 г. [Текст] / В. Седых // Огонек. – 1987. – № 43.
20. Торопов, А. Петропавловка. К 225-летию основания Петропавловской крепости [Текст] / А. Торопов // Огонек. – 1929. – № 15.
21. Эрлих, А. А. П. Чехов [Текст] / А. А. Эрлих // Огонек. – 1939. – № 16.

Bibliograficheskij spisok

1. Assman, Ja. Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Tekst] / Ja. Assman ; per s nem. – М., 2004.
2. Gordon, A. V. Velikaja francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii [Tekst] / A. V. Gordon. – М., 2009.
3. Dejch, A. Krushenie starogo porjadka. K 150-letiju francuzskoj burzhuažnoj revoljucii [Tekst] / A. Dejch // Ogonек. – 1939. – № 17.
4. Dobrynin, M. Aleksandr Sergeevich Griboedov [Tekst] / M. Dobrynin // Ogonек. – 1945. – № 1.
5. Dobrynin, M. Genial'nyj hudožnik. K 35-letiju smerti L. N. Tolstogo [Tekst] / M. Dobrynin // Ogonек. – 1945. – № 45.
6. Ermashev, I. Pered sudom istorii [Tekst] / I. Ermashev // Ogonек. – 1939. – № 20/21.
7. Zerubavel', Ja. Dinamika kollektivnoj pamjati [Tekst] / Ja. Zerubavel' // Ab Imperio. – 2004. – № 3.
8. Koznova, I. E. Istoricheskaja pamjat': problemnoe pole sovremennyh issledovanij [Tekst] / I. E. Koznova //

Problemy filosofii kul'tury. Vyp. 2 / pod red. S. A. Nikol'skogo. – М., 2014.

9. Koznova, I. E. «Prizvannyj»: lermontovskie jubilei seređiny XX v. [Tekst] / I. E. Koznova // Istorija v podrobnostjah. – 2014. – № 9 (51).
10. Koznova, I. E. «Lermontovskij jelement» i «hrushhevskaja otpepel'»: tvorcheskoe nasledie pojeta v kontekste jepohi [Tekst] / I. E. Koznova // Problemy rossijskogo samosoznanija: mirovozzrenie M. Ju. Lermontova : materialy 11-j Vserossijskoj konferencii ; pod red. S. A. Nikol'skogo. – М., 2015.
11. Leont'eva, O. B. «Memorial'nyj povorot» v sovremennoj rossijskoj istoricheskoj nauke [Tekst] / O. B. Leont'eva // Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii. – Vyp. 50. – М., 2015.
12. Lepeshinskij P. Molnija gneva [Tekst] / P. Lepeshinskij // Ogonек. – 1929. – № 6.
13. Mallori, D. Prokljatoe proshloe [Tekst] / D. Mallori // Ogonек. – 1928. – № 48.
14. Megill A. Istoricheskaja jepistemologija [Tekst] / A. Megill ; per s angl. – М., 2009.
15. Ovruckij, L. «Novyj chelovek», ili dvesti let odnoj illjuzii [Tekst] / L. Ovruckij // Ogonек. – 1989. – № 28.
16. Pochemu Bethoven nam blizok? Iz rechi A. V. Lunacharskogo [Tekst] // Ogonек. – 1927. – № 12.
17. Repina, L. P. Pamjat' i znanie o proshlom v strukture identichnosti [Tekst] / L. P. Repina // Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii. – Vyp. 21. – М., 2007.
18. Rjabov, I. Poslednij monarh [Tekst] / I. Rjabov // Ogonек. – 1947. – № 44.
19. Sedyh, V. Kak parizhskoe «zerkalo» otrazhalo sobytija 1917 g. [Tekst] / V. Sedyh // Ogonек. – 1987. – № 43.
20. Toropov, A. Petropavlovka. K 225-letiju osnovanija Petropavlovskoj kreposti [Tekst] / A. Toropov // Ogonек. – 1929. – № 15.
21. Jerlih, A. A. P. Chehov [Tekst] / A. A. Jerlih // Ogonек. – 1939. – № 16.